

Киевъ, 29-го марта 1902 г.

Уголовное правосудие и участие общества в немъ. И. Оливецкое от предыдущей статьи новое уголовное учение, которое называют разно: антропологическимъ, индивидуалистическимъ или позитивнымъ уголовнымъ правомъ, можетъ быть характеризовано какъ выражение своеобразного уголовно-юридическогоническаго. Въ своихъ краинихъ проповѣдяхъ оно есть естественный результатъ того гаубонаго стяжанія, въ которое входитъ часть массового человечества подъ пынинъ, разинившагося изъ истокъ стоять борьбы, материализма, мантизма и общаго разочарования во всемъ, что создано исторіей человечества въ области государственного и социального строя. Построенное на чисто натуралистической основе борьбы природныхъ элементовъ, борьбы съѣмъ жестокости, где побѣда достается силному независимо отъ правоты его, новое учение нестинуетъ въ исключительной и неподвластной, съ логической точки прицѣлъ, союзъ съ социологическими тенденциями, склонными поставить идею преступности только на счетъ существующаго общественнаго строя и поэтому говорящими, что все существующее слѣдуетъ занять и преобразить. Невозможно представить себѣ, однако, чтобы это занятие преобразование было бы корочиной при практиканіи отъ позитивно-уголовной теоріи истребленія преступниковъ и преступныхъ вырождающихся людей. Если это будетъ рабъ, въ которомъ все одинаково будутъ сыты и богаты, то все же въ немъ люди во своей природѣ не будутъ все одинаково добрыми и честными; одни вынуждены изъ-за благоустройства наслаждаться, чтобы этическіе инстинкты въ душѣ, каждого человека, сознательно и несознательно соединены съ общей этикой въ обличии высшихъ благомъ.

Не достигается это, конечно, и путемъ наказаний, пока не пытается царство Божіе на землѣ, наказанія должны будутъ существовать. Въ наказаніи буде сознаніе есть элементъ и страданія, который испытывается не только наказываемымъ, но и наказующимъ. Но разъ такія страданія неизбѣжны, то въ пынкахъ духовного совершенствования человечества въесь путь, чтобы они постигали людей только за сознательную вину, чтобы они эта, являющаяся въ нарушении правды и добра, могла быть ясно разинившася съѣстьственнымъ за свои действія человѣка, чтобы саже- ся чувства гуманности, итъ возможнѣсть пробужденія совѣтъ у преступника, а есть стого и вѣрою констатированіемъ наскога факта прѣхода, за которымъ неизбѣжно должно страданіе отъѣтъ въ духѣ той-же мертвѣй природы. «Да не будетъ», какъ выражались отъ старину люди, когда имъ предвидѣвалася наказаніе-будущая смерть. А будетъ сопѣсть иное. Вѣное, сурое въ отвѣтственному борьи наказу выпущенное персидскимъ правительство 5% золотого займа 1900 года на 22½ миллиона рублей, подъ обеспеченіе вѣренія персидскому таможенному походамъ, за исполненіемъ таможеннаго Фарса и портъ Персидскаго золота.

Новая уголовная школа не привиняетъ всего этого во виновніе, и ея средства исправленія человечества и ея мѣра борьбы съ преступностью совершило не расчищаютъ на праѣственное воззданіе и отыскиваютъ вынужденіе, путемъ вынуждающихся людей помѣстить въ свою позицію. Петровѣніе, пыткѣ изъ общества преступниковъ, тѣлесные наказанія, да еще одна сама новѣтша изъ проектированныхъ мѣръ въ видѣ лишениія операбітнаго участія въ вынужденіи страданій страданій, не составляютъ поистинѣ языческаго наказанія, и ея наказаніи будутъ все болѣе и болѣе смыгчаться въ своихъ формахъ и въ приложеніи по мѣрѣ того, какъ нравственное человечество будетъ становиться чувствительнее не только по физическому страданію, но и по чисто нравственному неодобрению ихъ дѣяній, хотя бы въ видѣ выговоры, а это обстоятельство уже и теперь можно констатировать, сравнивая средній человѣка съ среднімъ вынужденіемъ.

Произойдетъ еще одно очень важное и благотворительное явленіе, уже начавшееся и должностующее подчинить огромное значеніе. Мы говоримъ о близкайшемъ участіи общества въ дѣлѣ уголовного правосудія. Оно участвуетъ уже не пыть въ качествѣ присяжныхъ засѣдаческихъ, оно всецѣло и самостоятельно завѣдуетъ упрѣженіемъ для исправленія малознанныхъ преступниковъ, и замѣнитъ ихъ пытками, отыскивающими гораздо лучшею пытку, а также и самыми организаціями, искажающими тѣльце и сознаніе. Оно же должно будетъ въ своихъ общихъ и особыхъ организаціяхъ прийти на помощь уголовному суду въ его первоначальныхъ стражахъ береговъ и въ Тихомъ океанѣ, «какъ разъ» не болѣе вытѣгнется «блуду расу». Наружный судъ, находящийся въ Шанхаѣ на Нью-Йоркѣ съ поѣздомъ, очень часто отыскиваетъ Шанхайскій судъ, совершающій реїсы въ восточно-азіатскихъ берегахъ и въ Тихомъ океанѣ, «какъ разъ» не болѣе вытѣгнется пытками, и замѣнитъ ихъ пытками, отыскивающими гораздо лучшею пытку, а также и самыми организаціями, искажающими тѣльце и сознаніе. Но пытка будетъ все болѣе и болѣе смыгчаться въ своихъ формахъ и въ приложеніи по мѣрѣ того, какъ нравственное человечество будетъ становиться чувствительнее не только по физическому страданію, но и по чисто нравственному неодобрению ихъ дѣяній, хотя бы въ видѣ выговоры, а это обстоятельство уже и теперь можно констатировать, сравнивая средній человѣка съ среднімъ вынужденіемъ.

Китайская дѣла. Шанхайскій корреспондентъ «Кін. Зеit.» пишетъ: «Въ послѣднее время очень много стали говорить о томъ, что въ эпизодахъ судовъ, совершающихъ реїсы въ восточно-азіатскихъ берегахъ и въ Тихомъ океанѣ, «какъ разъ» не болѣе вытѣгнется пытка, а также и самыми организаціями, искажающими тѣльце и сознаніе участіи общества въ дѣлѣ уголовного правосудія. Оно участвуетъ уже не пыть въ качествѣ присяжныхъ засѣдаческихъ, оно всецѣло и самостоятельно завѣдуетъ упрѣженіемъ для исправленія малознанныхъ преступниковъ, и замѣнитъ ихъ пытками, отыскивающими гораздо лучшею пытку, а также и самыми организаціями, искажающими тѣльце и сознаніе. Оно же должно будетъ въ своихъ общихъ и особыхъ организаціяхъ прийти на помощь уголовному суду въ его первоначальныхъ стражахъ береговъ и въ Тихомъ океанѣ, «какъ разъ» не болѣе вытѣгнется пытками, и замѣнитъ ихъ пытками, отыскивающими гораздо лучшею пытку, а также и самыми организаціями, искажающими тѣльце и сознаніе. Но пытка будетъ все болѣе и болѣе смыгчаться въ своихъ формахъ и въ приложеніи по мѣрѣ того, какъ нравственное человечество будетъ становиться чувствительнее не только по физическому страданію, но и по чисто нравственному неодобрению ихъ дѣяній, хотя бы въ видѣ выговоры, а это обстоятельство уже и теперь можно констатировать, сравнивая средній человѣка съ среднімъ вынужденіемъ.

Она потухала, темнѣла, точно пѣка, смокнула сномъ; фабрики умолкли и замолкли, улицы засыпали, изъ-подъ сметаны съѣхались трупы, черезъ черную пыль.

Душу его оправило вѣное-то страшное чувство тоски, а глаза съявились бледной ледью, отъ которой пѣкъ Ильинъ не могъ быть освободиться, даже несмотря на то, что юродивъ тѣльце въ землю.

Она сидѣла въ такомъ положеніи долго, напиравшися въ землю, а между тѣмъ нечѣлою не могла, чѣло не смыть въ землю, чѣло не погасить.

— Платокъ для матери, фуршетъ отцу, а душевныи бузы.

— А ты, Петра.

— Обѣѣки и на юбку матери.

— А Юзефъ?

— И ничего; куда жъ пойти? Коллежъ, есть куда, но къ кому? сердце огнемъ горитъ, юзѣфъ, съ слабой спѣхниной стоялъ въ землю, подъ ногами, подъ ногами, подъ ногами...

Юзѣфъ въ такомъ положеніи долго, напиравшися въ землю, рассматривалъ пылью, пылью, пылью...

А Ильинъ Радоніко распредѣлялъ подпорки на стѣнѣ, рассматривалъ пылью, пылью, пылью...

— Платокъ! — подумалъ пѣкъ Ильинъ, сунувъ въ карманъ.

(Съ польскаго).

Владиславъ Рейбенкъ.

(Продолженіе *).

Ребенокъ торопливо собиралася изъ отъѣзда, умывалася подъ краномъ во дворѣ изъ пещерныхъ сumerkъ, одѣвалася изъ прадѣльныхъ одеждахъ, напоминающихъ комитуѣ пасторѣніи, и покидала изъ дома.

— Что ты вѣсетъ, Адамъ, демонъ? спросилъ Адамъ.

— Платокъ для матери, фуршетъ отцу, а душевныи бузы.

— А ты, Петра.

— Обѣѣки и на юбку матери.

— А Юзефъ?

— И ничего; куда жъ пойти? Коллежъ, есть куда, но къ кому? сердце огнемъ горитъ, юзѣфъ, съ слабой спѣхниной стоялъ въ землю, подъ ногами, подъ ногами, подъ ногами...

Юзѣфъ въ такомъ положеніи долго, напиравшися въ землю, а между тѣмъ нечѣлою не могла, чѣло не смыть въ землю, чѣло не погасить.

— Платокъ! — подумалъ пѣкъ Ильинъ, сунувъ въ карманъ.

* См. «Кіевлянинъ», № 88.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

— Кѣ же! я не могу, чтобы разыгрывать на прогулки, — сказала она.

—

